

Леонид Бежин

Тайна воскресная

Преподобный
Серафим
и Дивеево

УДК 27.4
ББК 86
Б41

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Дизайн – А.Б. Архутик

Бежин Л. Е.

Б41 Тайна воскресная: Преподобный Серафим и Дивеево. – М.: Этерна, 2012. – 384 с.: ил. – (Библиотека православной семьи).

ISBN 978-5-480-00287-4

Из всех русских святых у нас особенно почитают и любят преподобного Серафима, небесного покровителя России. Книга Леонида Бежина посвящена его жизни, духовным деяниям и пророчествам. В ней впервые подробно рассказывается об одном из самых загадочных пророчеств преподобного – Великой дивеевской тайне. По словам Серафима, ему суждено воскреснуть в особое для России (да и для всего мира) время, перейти из Сарова в Дивеево и начать там проповедь всемирного покаяния. Это чудо привлечет к России внимание всего мира, великое множество людей соберется в Дивеево, чтобы увидеть и услышать воскресшего.

Автор подробно прослеживает, как сохранилось пророчество Серафима, через чьи руки оно прошло – от вдовы Николая Александровича Мотовилова, которого называют сотаинником преподобного, до духовного писателя Нилуса. Превосходно написанная, книга адресована всем, кого интересует духовная история России, кто стремится постичь в ней не только зримое, но и сокровенное и несказанное.

**УДК 27.4
ББК 86**

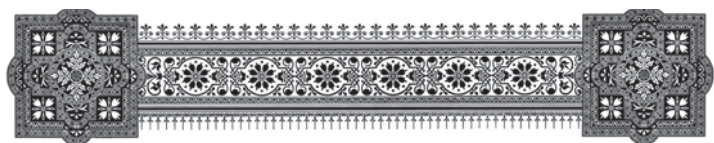
© Л.Е. Бежин, 2012

© ООО «Издательство «Этерна»,
оформление, 2012

ISBN 978-5-480-00287-4

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗАСЕКРЕЧЕННЫЙ САРОВ

Вот уже более полувека (с апреля 1946 года) Саров, где подвизался преподобный Серафим, один из величайших русских святых, молитвенников и чудотворцев, — засекреченный город. Вдумаемся: Саров за-сек-ре-чен. Запечатан (как запечатывались Серафимовы храмы в Дивееве во времена великой смуты начала 60-х годов XIX века). После многих попыток скрыть, зашифровать его имя (Кремлевск, Москва-300, Горький-150, Арзамас-75) переименован в Арзамас-16. Помещен вне географического пространства — на карте его не найдешь. Как некий город-ноль, он вообще выведен за пределы досягаемости, доступен лишь для избранных, получивших особое разрешение, специальный пропуск как на стратегически важный объект — просто так в него не попадешь. Остановят и не пропустят, а то и задержат до выяснения личности.

Почему же, спрашивается, такая секретность?

Да потому что в Сарове, среди глухих сосновых лесов, разместили ядерный центр, где создавалась бомба. Не будем говорить, какая именно, по чьим технологиям, кто создавал и какова дальнейшая судьба

создававших. Но изумимся этому вопиющему несовпадению, обнаженному, кричащему противоречию: в монастыре, обители преподобного, — бомбу! Причем невиданной разрушительной силы (недаром ее называли Царь-бомбой). Как же связать одно с другим, если только не ссылкой на очередной пример абсурда, бреда, полнейшей бессмыслицы: мол, в истории несчастного рода человеческого и не такое бывало? Нет, подобные ссылки — не наш метод. Кажущаяся бессмыслица, бред, абсурд что-то за собой скрывают. Что-то сквозь них просвечивает, зыбится, маячит. Или будем рассуждать так: если Промыслом это допущено, должен быть во всем этом некий смысл и должны быть знаки, на него указывающие.

Постараемся же их отыскать, эти знаки.

Говорят, что бомба была создана во спасение. Если бы не она, то и Сарова, и Дивеева, и России, и всего Советского Союза, победившего в войне и этим вдвойне опасного для своих же мнимых союзников, может быть, и не было бы вовсе. И нас тоже в большинстве своем — не было бы. А чудом выжившие хирели, коснели, вырождались бы генетически. Таким образом, чудовищную бомбу создавали ради выживания, самозащиты, то есть в конечном итоге с благородной целью. Допустим, мы приняли такой ход мысли и согласились со всем этим, но неизбежно возникает вопрос: почему в Сарове? Хорошо, бомба была нужна, не спорим, но Провидение могло выбрать другое место для ее создания. Мало их, что ли, подходящих мест по России! Вон какие просторы! Та же бескрайняя Сибирь или тундра с ее болотными топями, замшелыми кочками, карликовыми березками и затянутыми льдом оленьими следами. Ан нет, указано именно на это, относящееся к обители преподобного, духовно очищенное, намоленное.

Почему? Вопрос остается без ответа, повисает в воздухе.

Что ж, от опробованного хода мысли придется отказаться — испытаем другой. При изучении истории Сарова, чтении хроник и документов выясняется, что бомба под Саров была заложена... еще сотни лет назад, можно сказать, изначально. И бомба невиданной силы. И хранилась она не где-нибудь, а в тайнике под алтарем пещерного храма. И сам-то храм — древнейший, изначальный, ископанный до наземных соборов, не возведенный, а уведенный под землю, утаенный в глубине и тем самым уподобленный киевским пещерам, — особое, святое место. И алтарь — святая святых, где творится бескровная жертва, свершаются таинства, а под ним — бомба.

Собственно, об этом нам и предстоит рассказать со всеми подробностями, поэтому сейчас торопиться не будем. Но чтобы попусту не томить читателя, предварительно заметим, что самым разрушительным для православного монастыря, монашеской общины, где все держится верой, способно стать лишь крайнее кощунство и богохульство, отречение от самого святого — от Христа, и такие отреченные письма были написаны — одно углем, а другое кровью.

Написаны и спрятаны под алтарем.

По этому поводу тайная канцелярия (а все происходило при Анне Иоанновне) завела дело. Но расследовавший его Феофан Прокопович придал ему сугубо политическую окраску, заподозрив монастырь в противодействии петровским церковным реформам, сношении с инакомыслящими и прочих подобных грехах. Хотя, как сейчас выясняется, гораздо страшнее было другое, не политическое — какие-то там обнаруженные крамольные книжонки, а духовное — углем и кровью на-

чертанные письма. Пусть на это вынудили всемогущие обстоятельства, страх за свою жизнь, неуравновешенность натуры: суть не меняется. Святыня осквернена и поругана, а потому и монастырь — если и не проклят вовсе, то осужден, отмечен печатью некоей обреченности.

Вот об этом-то мы и поведем речь; постараемся набросать портреты всех привлеченных по делу, и прежде всего послушника Георгия, жалкого и неприкаянного автора писем, его исповедника честолюбивого, властного казначея Иосии и несчастного иеромонаха Иоанна, основателя монастыря, арестованного, закованного в железа, заключенного в крепость и там скончавшегося.

Таким образом, один из знаков Провидения, надемся, хотя бы отчасти разгадан и прочитан. Бомба! Засекреченный же Саров, как мы убедимся, так же символически, знаково отзовется в Великой дивеевской тайне, о которой нам еще предстоит рассказать.

Саров и Дивеево промыслительно, прообразовательно связаны: Дивеево зарождается, возникает во многом благодаря Сарову. Но, по предсказанию преподобного Серафима, Сарову суждено умалиться, а Дивееву неслыханно возрасти с приближением конца времен. Недаром Дивеево величал он шубой, а Саров — рукавом, хотя поначалу именно Саров поражал своим великолепием, убранством и пышностью соборов, в Дивееве же, собственно, ничего и не было, так, одна нищета и убогость, община матушки Александры с тесными кельями и сироты Мельничной обители, пестуемые Серафимом.

Но Дивеево избрала в Свой четвертый удел Богоматерь — и в этом его особое историософское значение. Он подобен библейскому Иакову, отобравшему первородство у своего старшего брата Исава. В Дивееве открываются святые мощи — четыре столпа, как называл их

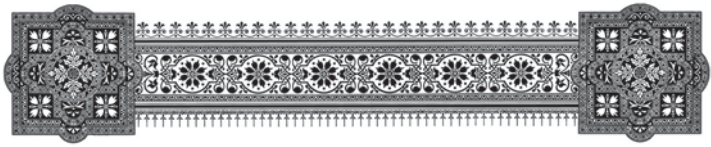
Серафим, и воссияет дивная тайна. Собственно, Дивеево и есть Диво по толкованию Серафима.

Сарову же, повторяем, уготовлена судьба Исава, и это тоже признак настоящего и знак будущего. Недаром Саров, словно нежеланного пасынка, постоянно переводили из одной епархии в другую — из Владимирской в Нижегородскую, из Нижегородской в Тамбовскую. Когда же настало время пострига послушника Прохора Машнина, будущего Серафима, для него в Сарове даже не оказалось вакансии, и игумену пришлось испрашивать ему место в Николаевском монастыре города Гороховца, по которому он долгое время и числился. Серафим *Саровский* — и город Гороховец. Факт знаменательный, если поставить его рядом с иными, не менее значимыми и красноречивыми фактами.

В Сарове не нашлось достойного преемника, на которого Серафим мог бы возложить после своей смерти заботы о Дивееве. «Вот, матушка, — обращаясь к старице Ксении, перечислял он, — отец Иларион и старец, да за вас взяться не может; так же вот и батюшка Исаия за вас не возьмется; а мог бы за вас взяться и быть всем отцем после меня о. Савватий, но не хочет. И так скажу тебе, матушка: помни, что после меня у вас отца не будет». И сестре Параскеве Ивановне признавался он с не меньшей горечью: «Человека-то, матушка, днем с огнем не найдешь. Оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери» .

Да, Саров запечатан.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СКАКАЛ ОТ ВОСТОРГА

Способны ли мы до конца осознать, что такое Серафим для России? «И когда на другой день понесли вокруг церкви гробницу святого Серафима, и полетели над толпой к этой гробнице перебрасываемые холсты и представились мне руки, сеявшие и дергавшие лен по всей России, и прявшие и ткавшие его по темным избам по всей России, и глаза, не знавшие иной надежды сквозь слезы бабьей доли, — то поняла я, что такое Серафим для всей России». Так пишет Маргарита Сабашникова в своей книге о преподобном: вот ей приоткрылось... и она поняла... И все-таки вопрос остается, — во всяком случае, для нас. Да, мы чтим преподобного Серафима, мы совершаем к нему благочестивые паломничества, прикладываемся к мощам, вновь обретенным в 1991 году, просим о помощи и заступничестве, но — осознаем ли? Именно мы, живущие в XXI столетии, ведь нас отделяет от него почти два века? И отделяет, и отдаляет, и в этом мы уступаем тем, кто был ближе, внимал народной молве о подвигах старца, возможно ездил к нему за советом, терпеливо дожидаясь у кельи его выхода, просил об ис-

целении или даже пользовался доверительным расположением, как верный служка Мотовилов.

Так, может, они, ближние, по-настоящему осознавали?

Нет, они благоговели, дивились, изумлялись, страшились совершаемых им чудес и заворожено внимали предсказаниям, но осознание все же дано нам, *дальним*, свидетелям того, как сбылось. Сбылось многое из предсказанного преподобным, воплотилось, приобрело рельефные очертания — Крымская война, октябрьский переворот, гонения на церковь, ГУЛАГ, страдания и мучения миллионов узников. Да и о чудесах-то в полной мере узнали уже после смерти Серафима, поскольку при жизни он о многом заповедовал не разглашать, молчать до поры до времени.

И как Богоматерь ему являлась, и как на камне тысячу один день и тысячу одну ночь молился, как медведя кормил — после, после...

Таким образом, мы — дальние, и у нас — перспектива. Мы словно бы стоим на вершине горы, и перед нами, как облака, проплывает минувшее: месяцы, годы, столетия. Но в то же время как не позавидовать белой завистью тем, кто был рядом с преподобным Серафимом, слышал голос, чувствовал прикосновение благословляющей руки, получал в подарок сухарики или частицы просфоры! Это, пожалуй, в чем-то дороже перспективы, теплее, интимнее, одухотвореннее, и этого нам будет отчаянно не хватать. Поэтому взамен мы должны попытаться воссоздать утраченный земной образ преподобного Серафима, чтобы дивный старец возник перед нами как живой со всеми его излюбленными словечками, прибаутками, движениями, жестами.

Серафим и такой — сохранился.

Сохранился во многом благодаря прекрасной русской книге — «Летописи Серафимо-Дивеевского мона-

стыря», написанной священномучеником Серафимом Чичаговым. В нее включены живые свидетельства, простые, бесхитростные, со всеми особенностями устной речи рассказы тех, кто лично знал старца, — подлинные сокровища, жемчуг духовный, как говаривали когда-то. И нам остается лишь выбрать самое живое и характерное.

Но что же, что же выбрать, чтобы сразу возник образ? Может быть, Серафимовы приветствия — «Радость моя!», «Сокровище мое!» или «Ваше Боголюбие!» — с коими встречал он всех своих гостей? Да, пожалуй, тут мы сразу слышим голос Серафима, как и в многочисленных свидетельствах о нем тех, кто бывал у него со своими просьбами, жалобами, надеждами: «Я все плакала, да и пошла к батюшке Серафиму; все ему рассказала. Сама плачу, стою перед ним на коленях. А он смеется, да так ручками и сшибается (т. е. хлопает рука об руку)» (рассказ старицы Варвары Ильиничны).

Сшибается ручками — какой точно подмеченный жест, какая выразительная деталь! Но, может, лучше всего обрисован Серафим в рассказе дивеевской сестры Капитолины: «А как батюшка-то любил нас, просто ужас, да и только, и рассказать-то уж я не умею. Бывало, придешь это к нему, а я, знаешь, всегда эдакая суровая, серьезная была, ну, вот и приду, а он уставится на меня, да и скажет: “Что ж это, матушка, к кому это ты пришла-то?” — “К вам, батюшка”, — отвечу я. “Ко мне, — скажет он, — да и стоишь, как чужая, ко мне-то, к отцу, что ты, что ты, матушка!” — “Да как же, батюшка, — бывало скажу я, — как же”. — “А ты приди, да обними, да поцелуй меня, да не один, а десять раз поцелуй-то, матушка!” — ответит он. Бывало и скажешь: “Ах, да как же это, батюшка, да разве я смею!” — “Да как же не смеешь-то; ведь не к чужому, ко мне пришла, радость моя, эдак к родному не ходят, да где

ГЛАВА ВТОРАЯ. СКАКАЛ ОТ ВОСТОРГА

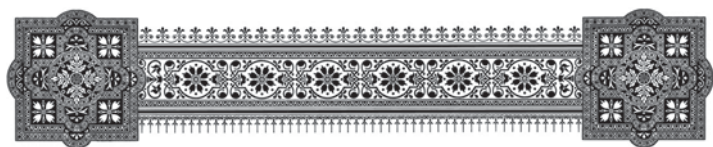
бы это ни было, да при ком бы ни было, хотя бы тысяча тут была, должна прийти и поцеловать, а то что стоишь, как чужая!”»

Ну, не подлинное ли чудо этот рассказ?! Мы словно заглянули в окошко саровской кельи и увидели двоих: одна суровая и серьезная, наверное, и губы поджаты, и брови сдвинуты, будто и впрямь чужая, а другой — весь сияет, лучится, сама доброта и отцовская любовь. Десять раз его поцеловать, ведь он родной, роднее не бывает! Такой рассказ не придумать, не сочинить — только наспех записать, чтобы ни словечка не пропало. Да, пожалуй, как нигде, мы видим здесь, распознаем, угадываем живого Серафима.

И все же, все же...Пожалуй, для меня Серафим — в одной фразе, встречающейся у многих рассказчиков, повторяемой как рефрен, поэтому я и приведу ее не по одному конкретному месту из «Летописи», а обобщенно. Батюшке Серафиму была свойственна особого рода восторженность. Восторженность сродни той, с которой библейский царь Давид плясал перед ковчегом. Вот и Серафим... нет, не плясал, но, как передают о нем: «Во, во, матушка! Так и будет!» — повторял Серафим, скача от восторга.

Скакал от восторга, осиянный нездешней радостью. Поистине в этом весь Серафим.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МАШНИНЫ

И жили рядом с храмом, и думали только о нем, и так хотелось в будущее заглянуть, хотя бы одним глазком высмотреть, каким он будет, когда наконец достроят. Вот об этом-то и без конца спрашивали, пытались друг друга, особенно дети — те аж заходились от жгучего любопытства, от азартных своих фантазий. Заберутся на печку, подбородок в острые кулачки упрут и ну расписывать. Чего им только не чудилось, не блазилось. Хотя что спрашивать-то, если ответ заранее известен (так рассуждали старшие). А таким наверняка и будет, каким изобразил его на рисунках и чертежах столичный архитектор, важный господин с голым черепом, обтянутым морщинистой кожей, сырым, помятым лицом и неестественно большим расстоянием от носа до тонких, по-бабьи поджатых губ — один из учеников знаменитого Растрелли, которому заказали проект. Исидор Иванович сам ездил заказывать, долго разыскивал дом на Невском проспекте, стучал в дверь с медной табличкой. И, смущенно покашливая в кулак, разглаживая бороду, от имени всех горожан просил уважить, постараться, чтобы храм был не хуже столичных (столичным-

то уже успел надивиться, задирая голову, — только шапку держи, чтоб не упала). Пообещал, что в долгу не останутся, сунул руку за пазуху и выложил на подзеркальничек пухлый, перевязанный бечевкой конверт:

— Извольте, не побрезгайте — авансец.

И снова смущенно кашлянул, даже слегка зарделся.

— Деньгами не брезгаем. Напротив даже. — Ловким щелчком господин отправил конверт в выдвижной ящик подзеркальничка. Отправил и непринужденно задвинул: — Благодарим-с. — Из вежливости счел нужным осведомиться: — Как вам Петербург?

Гостю оставалось лишь развести руками в немом изумлении перед Петербургом и произнести сакраментальное:

— Столица!

Тот осклабился в любезной улыбке.

Через месяц принимали архитектора у себя в Курске. Водили, показывали место, под постройку отведенное, благо вот оно, рядом, в двух шагах от дома. Он осматривал, вымеривал шагами, что-то черкал в записную книжку, соображал. Потом удовлетворенно карандашом по обложке постукивал, на солнце рассеянно жмурился, что-то напевал: расчеты завершены, кончена работа.

— Пожалуйста отобедать. На воздухе-то, чай, проголодались?

— Что ж, охотно.

Попотчевали его курником, поросенком с гречневой кашей, заливным из осетрины, водками и наливками: все-таки столичный фрукт, надо уважить.

Довольный уехал, попросив три месяца срока, и в положенное время прислал курьера с готовым проектом. Если их разложить, эти чертежи и рисунки, рассмотреть в них, то будущий храм словно сойдет с бумаги и повиснет в воздухе, сотканный из струйчатых пере-

ликов: легкий, изящный и то же время исполненный державной мощи, с восьмискатным куполом, синяя глава, усыпанная золотыми звездами, на четырехсветном фонаре, стройная трехъярусная колокольня. А изнутри украсят росписями, Царские врата позолотят, иконы в резных окладах повесят. Ох, и красив будет храм — из всех курских-то самый красивый, пышный и великолепный. Как запылают жарко свечи, польется с колокольни тихий благовест, воскурят ладан в паникадилах, душа и возрадуется, возликует и к горним высям воспарит...

Конечно же, и все разговоры в семье Машниных были о храме.

Вот наступало время обеда, все собирались к столу, звали из дальней комнаты бабушку Феодосию Наумовну, мать Исидора Ивановича, согбенную, иссохшую, с лицом цвета печеного яблока, но ясную умом, и глаза ястребиные, зоркие, все примечают. Встречали ее у порога, придерживая под руки, помогали дойти до стола, усаживали в глубокое кресло, укутывали ноги пуховой шалью (если хворала, посылали ей обед с прислугой). Перекрестившись на темные лики икон, покрытых белоснежными рушниками, сами чинно садились за стол; Исидор Иванович наставительно кивал старшей:

— Читай.

Параскева, выпрямившись, оправив на плечах малиновое платье с оборками, перекинув на грудь иссиня-черную косу, прочитывала вслух «Отче наш», после чего все снова крестились и дружно брались за ложки. Но, не успев зачерпнуть из тарелки, Исидор Иванович мнительно прислушивался к стуку молотков за окнами, досадливо морщился, словно над ним назойливо зудела злая муха, и с сомнением покачивал чубатой головой:

— Ох, боюсь, перекосят, шельмы. Снова не по отвесу прибьют. Не раз уж такое бывало.

И — за всем догляд нужен — порывался выбежать, проследить и если что — отчитать за нерадивость, дать хорошую выволочку.

Агафья Фотиевна его мягко останавливала:

— Да ты поешь. Остынет.

Но сама не выдерживала и, тихонько выскользнув за дверь, смотрела, как прибивают, и, лишь убедившись, что муж опасается понапрасну, никакого перекоса нет, все по отвесу, возвращалась на место. Он, глядя на нее, понемногу тоже успокаивался, прояснялся, мягчел.

Дальше мирно обедали, тихонько говорили о подводах с кирпичом, о настилке полов, о резных наличниках для окон, кровельном железе и сусальном золоте. И дети чутко ловили каждое слово — только бы не пропустить что-то важное, а затем, после обеда тоже шушукались в уголке, обсуждали.

— Подвода одна застряла, слышали? Ось-то сломалась, и она набок завалилась. Но кирпичи целы...

— Слышали, слышали. Кучер сплоховал. Может, пьяный был.

— Пьяницу батюшка держать бы не стал. На солнышке кучер перегрелся — вот в глазах-то и потемнело, повело. Или заснул...

— Днем-то спать...

— Но! Заснешь, если до этого всю ночь напролет работал по батюшкину приказу.

Детей у Машниных трое: помимо самой старшей из всех Параскевы еще средний по возрасту сын Алексей и младший Прохор. Братья похожи на отца, рослые, крепкие, как боровики, русоволосые, с прямыми носами, глаза словно синькой тронуты, хотя у Прохора —

больше в голубизну. Да, такие глаза, словно отражение весеннего неба в них застыло. А Параскева в мать, темненькая, зеленоглазая, с толстой косой вдоль спины и пушистыми ресницами. Она за братьями смотрит, о них заботится, учит уму-разуму. Псалтырь с ними читает, раз у отца и матери не всегда выпадает на то лишний часок. Исидор Иванович и Агафья Фотиевна хоть и любят детей, но порою кажется, что самое любимое, дорогое сердцу чадо для них — храм, посвященный преподобному Сергию Радонежскому, который они вот уже который год кропотливо, усердно возводят...

Старый деревянный недавно сторел — весь, без остатка, лишь чудом сохранилась от огня икона Казанской Божьей Матери. Среди головешек и тлеющих углей — цела-невредима. Значит, сама Богородица велела назвать будущий храм Сергиево-Казанским и отстроить его на славу, всем на удивление. Вот и тянулись, поскрипывая, подводы с кирпичом, стучали топоры, сыпали свежими опилками пилы: поднимался храм стараниями Исидора Ивановича, самими горожанами поставленного во главе святого дела, и его верной супруги.

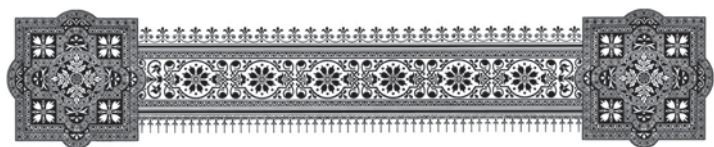
Он-то с чертежами все и сверял и ни малейшего упущения не спускал, артель свою держал круто. Деньги же на храм — от щедрот своих — пожертвовал почетный горожанин Карп Ефремович Первышев. Да, именно он, во всем аккуратный, прилежный, основательный, с закрывающими лысину редкими прядями и надушенными носовыми клетчатými платками (уголки украшены вышитой монограммой). И другие достойные люди добавили, как пустили шапку по кругу. Чин освящения места закладки будущего храма совершал святой Белгородский Иоасаф — с зычным голосом,

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. МАШИНЫ

острым кадыком и развевающейся по ветру моисеевой бородой.

Словом, Богородица велела, Карп Ефремович пожертвовал, Иоасаф освятил — не подкачайте, Исидор и Агафья!..

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В СТОЛЯРНЕ

Июньский полдень, все сомлело, истомилось от небывалой жары; пылающее солнце в лилово-сиреневом мареве зноя, ни тенечка. Лишь иногда повеет — ветерком не ветерком, а накатит теплыми воздушными волнами, словно паром от вскипевшего молока. И то кажется, будто чуток полегчало, посвежело...

Наверное, будет гроза.

— Проша, спустись-ка в ледник, зачерпни кваску холоденького ковшик да снеси отцу. Жара-то какая! Уф, и я-то запарилась! Не расплескай только.

Агафья Фотиевна со двора заглядывает в открытое окно дома, положив загорелые локти на беленый подоконник. И, пока глаза после яркого солнца привыкают к сумраку, в глубине комнаты едва различает фигурку сына, который сидит за столом с книгой, подложив под себя ногу, уж утомился, наверное (и нога затекла): третий час, не разгибаясь. До ученья на редкость охоч, как иные до игр и гулянья. Все это хорошо, конечно, но лишь бы здоров был, не хворал — об этом ее неусыпная материнская забота.

Поэтому тайный замысел ее таков: пусть и отца кваском порадует, и сам разомнется, на солнышке хотя бы чуток побудет, по травке босиком походит, воздухом свежим подышит.

— Хорошо, матушка. Сейчас. Только страничку дочитаю, всего одна осталась...

— Ну, если одна, дочитай, сынок... только не более. Не зачитывайся так, ладно?

— Обещаю, матушка. Не буду.

Дочитав положенную страницу, Прохор послушно закрывает Апостола (по Апостолу учится грамоте у приходского дьячка, подслеповатого, вечно сонного, с редкой рыжей бородкой) и встает из-за стола. Вот он уже на крыльце: наполовину в тени от навеса, наполовину выхвачен солнцем, русые волосы кажутся белей белого, аж глаза слепит. Вот откидывает крышку ледника (слышен скрип несмазанных петель), спускается по приставной лестнице вниз, снова исчезая в темноте, и с ковшом, наполненным квасом, поднимается вверх. Слишком много зачерпнул — чтобы не расплескалось, приходится самому немного отпить. Сладок квас, с изюминкой, и холодный со льда — аж зубы ломит.

Теперь стоит лишь толкнуть низенькую калитку, и он на стройке. Несмотря на жару и палящее солнце, работа споро движется, ладится, кипит. Голые по пояс, взмокшие мужики, натужно выгнув спину, откинувшись назад, носят «козьи» с кирпичами, в воздухе висит белая пыль от тесаного камня и носится тополиный пух. Машут хвостами запряженные в подводы битюги, отгоняя слепней и оводов, а уж те кровопийцы — кружат, липнут и молниеносно жалят. Загорелые до черноты землекопы — что твои арапы, хоть и крещеные — размечают яму для отливки первого колокола, прикидывают на глаз, вбивают колышки.

И тут же кудахчут шальные куры, забежавшие со скотного двора, стреноженная лошадь щиплет траву у забора, пчелы кружатся над алыми головками цветов. И рыжий пес Полкан с глухим грохотом волочит цепь по дощатому полу своей будки, все никак не уляжется, язык свисает, жарко и ему, бедолаге...

И в этой толчее Прохору не сразу удастся отыскать отца. Смотрит по сторонам, подолом рубашки закрывая и от солнца, и от пыли ковшик с квасом. Вот он, отец, среди мастеровых, тыльной стороной ладони, откинув чуб, вытирает пот со лба и лица, отдает распоряжения, с кем-то спорит, что-то свое доказывает, сердится.

— Батюшка, я вам попить принес. Вот квас холодный, из погреба... — Прохор протягивает ему ковшик.

Отец доволен.

— Ах ты, мой хороший, мой славный! Вот спасибо! Угодил! — Отпив немного и утерев губы, Исидор Иванович передает ковш стоящим рядом мастеровым.

Те тоже пьют и чинно, с достоинством благодарят.

— Вот уж уважил так уважил. И тебе спасибо, и матушке от нас поклонись.

Возвращают ему ковшик, но Прохору уже не хочется уходить со стройки, тем более что и брат его Алексей тоже здесь. Он тянет Прохора за руку в нижний придел — посмотреть, как белят стены под будущую роспись. Там на лесах Параскева, обмотав вокруг головы и забрав под платок косу, ловко орудует то кистью, то мастерком. Помогает малярам, и видно, что гордится собой. Довольна, что получается. Только в окно посматривает: кажется, сверкнуло, к грозе, уж очень парит с утра...

Затем Прохор и Алексей — в столярне, где пахнет свежими стружками, сметенными под верстак, весь пол

усыпан мягкими, желтыми опилками. На верстаке — два новеньких заморских рубанка, молоток, топорик и пила. В банке — застывший клей с увязшей одним крыльшком мухой. Мутное оконце сверху затянуто паутиной, и в паутине — высохшая золотистая, с черными ободками по тельцу оса.

Прохора тянет к столярным инструментам, он любит бывать у вихрастого, по-цыгански смуглого, со шнурком на лбу и карандашиком за ухом столяра Наумки, который учит его строгать, пилить, забивать гвозди с двух ударов по самую шляпку, но усерднее всего — работать топориком. Наумка на это мастер, и призванный, и признанный: во всей округе один такой. Про него говорят, что одним топориком дом целиком срубит — со стульями, лавками и всею утварью. К тому же он шутник и весельчак, охотник побалагурить. Прохора, хозяйского сына, важную птицу, как всегда приветствует словами:

— Вот и Прохор-апостол к нам пожаловал! Нижайшее ему от нас почтение.

И отвешивает поклон. Алексей за младшего брата привычно вступается, возражает.

— Он не апостол. Тоже мне! Его в честь апостола Прохора лишь нарекли по святцам...

— Раз нарекли, то не зря. Со смыслом. Значит, сам в апостолы выбьется.

— Какие же сейчас апостолы!.. Это когда ж было!..

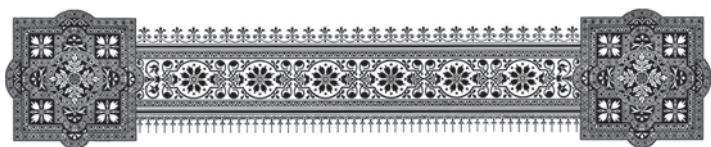
— А такие, — не унимается Наумка, — что среди столяров он будет апостол, а среди апостолов — столяр.

Вдалеке невнятно, глухо ворчит гром, и край неба постепенно мутнеет, темнеет, из голубого становится иссиня-черным (как коса у Параскевы), с оловянным отливом. Наумка смеется своей излюбленной шутке про апостола, показывая ровные, крепкие зубы (только

ТАЙНА ВОСКРЕСНАЯ: ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ И ДИВУШКА

один щербатый: на спор проволоку перекусывал и ломал); и Алексей с Прохором тоже улыбаются. Им беспричинно весело и так несказанно хорошо, светло и радостно от мысли, что будет гроза и после нее посвежеет, станет прохладнее, что есть Наумка с его топориком и вечными шутками, есть эта пропахшая стружкой столярня и есть храм, который с каждым днем все выше поднимается к небу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
<i>Глава первая.</i> Засекреченный Саров	7
<i>Глава вторая.</i> Скакал от восторга	12
<i>Глава третья.</i> Машинны	16
<i>Глава четвертая.</i> В столярне	22
<i>Глава пятая.</i> Небесный лучик	27
<i>Глава шестая.</i> Детство Прохора в Курске: взгляд историка	34
<i>Глава седьмая.</i> Незримые покровители	39
<i>Глава восьмая.</i> Два чуда: исцеление и спасение	45
<i>Глава девятая.</i> Лебедь сахарная	53
<i>Глава десятая.</i> Дверь с окошечком	60
<i>Глава одиннадцатая.</i> Вдохновляющая оговорка	66
<i>Глава двенадцатая.</i> Прохор и Досифей: предыстория встречи	72
<i>Глава тринадцатая.</i> Нескончаемый свиток	80
<i>Глава четырнадцатая.</i> Привет и гостинец	87
<i>Глава пятнадцатая.</i> Певые послушания	92
<i>Глава шестнадцатая.</i> Осужденные по делу	99
<i>Глава семнадцатая.</i> Два портрета	103
<i>Глава восемнадцатая.</i> Письма разорвать нельзя	112
<i>Глава девятнадцатая.</i> Грех покрыв незаконно	117
<i>Глава двадцатая.</i> Дело	123
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	127
<i>Глава первая.</i> Избранное Дивеево	129
<i>Глава вторая.</i> Мельничная обитель	136
<i>Глава третья.</i> Иеродьякон	143
<i>Глава четвертая.</i> У постели больной	149
<i>Глава пятая.</i> Галки на крестах	154
<i>Глава шестая.</i> Два видения	159
<i>Глава седьмая.</i> Во флигеле	166
<i>Глава восьмая.</i> Четыре мешочка	173
<i>Глава девятая.</i> Сапожки и подушки	176

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЗАСЕКРЕЧЕННЫЙ ЗАРОВО

<i>Глава десятая.</i> Последнее испытание	182
<i>Глава одиннадцатая.</i> Билет	187
<i>Глава двенадцатая.</i> Келейное правило: три отрывка	191
<i>Глава тринадцатая.</i> Паче смысла	197
<i>Глава четырнадцатая.</i> Вдохновение и благодать	205
<i>Глава пятнадцатая.</i> Радость необыкновенная	211
<i>Глава шестнадцатая.</i> Утренний разговор в усадьбе Татищевых	218
<i>Глава семнадцатая.</i> Звероломная добыча	224
<i>Глава восемнадцатая.</i> Капитолина: уроки на будущее	229
<i>Глава девятнадцатая.</i> Последние подвиги: молчание, затвор, старчество	234
<i>Глава двадцатая.</i> Проснусь в Дивееве	242
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	247
<i>Глава первая.</i> Волшебный папортник	249
<i>Глава вторая.</i> Предварительная смерть	257
<i>Глава третья.</i> Сделать старца святым: Николай II и Победоносцев	265
<i>Глава четвертая.</i> Святость и царственность: скрепление судеб	272
<i>Глава пятая.</i> Умерли и воскресли	278
<i>Глава шестая.</i> Смотрины	283
<i>Глава седьмая.</i> Безумная Палага	289
<i>Глава восьмая.</i> Неведомая хворь	293
<i>Глава девятая.</i> Солдат и дура (рассказ сестры Анны)	297
<i>Глава десятая.</i> Сукнецо	304
<i>Глава одиннадцатая.</i> Третий Серафим	308
<i>Глава двенадцатая.</i> Жизнь Параскевы	312
<i>Глава тринадцатая.</i> Новые люди в Дивееве	317
<i>Глава четырнадцатая.</i> Короб	322
<i>Глава пятнадцатая.</i> Гость	326
<i>Глава шестнадцатая.</i> Трое причастных	331
<i>Глава семнадцатая.</i> Воскреснуть вслед за Серафимом (штрихи к биографии Мотовилова)	335
<i>Глава восемнадцатая.</i> Дом в Сергиевом Посаде: отец Павел Флоренский	341
<i>Глава девятнадцатая.</i> Сделать шаг и увидеть	347
<i>Глава двадцатая.</i> Отдадимся пространству	354
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	359
<i>Глава первая.</i> Станция	361
<i>Глава вторая.</i> Выбор, тайна и хождение	365
<i>Глава третья.</i> Послужите Дивееву!	369
<i>Глава четвертая.</i> Небо над Дивеевом	377
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	381

*Литературно-художественное издание
Серия «Библиотека православной семьи»*

БЕЖИН ЛЕОНИД ЕВГЕНЬЕВИЧ

ТАЙНА ВОСКРЕСНАЯ:

Преподобный Серафим и Дивеево

Книга издана в авторской редакции

Дизайн: А. Б. Архутик
Корректор В. А. Нэй

Подписано с готовых диапозитивов 04.12.2012 г.
Формат 84×108/32. Гарнитура «NewBaskervilleС».
Печ. л. 12,0. Тираж 1000 экз.

ООО «Издательство «Этерна»
115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а
Тел./факс 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru